
TATSIANA MIKHALIOVA

**COOPERATION WITHIN THE EAEU, THE UNION
STATE, THE CIS ON THE MOVEMENT
AND PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY**

Author affiliation. *Tatsiana MIKHALIOVA (tania.mikhaliova@gmail.com), Belarus State University (Minsk, Belarus), Russian University of the Peoples' Friendship (Moscow, Russia).*

Abstract. The objective of the article is to identify peculiarities and functional differences in cooperation on the issues of cultural property within the framework of different integration associations, in which the Republic of Belarus is a participant, namely the CIS, EAEU, Union State. The research methods used are dialectical, analysis and synthesis, comparative-legal, formal-legal. The research resulted in the following conclusions: the competence of the organizations is different and touches upon different areas – import and export regulations, application of non-tariff measures, counteraction to illicit trafficking; unification of terminology in this area is not necessary, while maintenance of common lists and databases and intensification of cooperation on administrative issues are advisable.

Keywords: Eurasian Economic Union; integration; cultural heritage; cultural property; Commonwealth of Independent States; cooperation; Union State of Belarus and Russia; customs non-tariff regulation.

UDC 341.232.7:341.17

*Статья поступила
в редакцию 28. 09. 2022 г.*

А. Г. ЕГОРОВА

**КОЛЛИЗИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК
ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА**

Анализируется основной источник международного частного права – коллизионное законодательство. Выявлены тенденции трансформации данного источника правового регулирования международных частнопрововых отношений: изменения в структуре коллизионной нормы, установление приоритета материально-правового способа правового регулирования перед коллизионным, необходимость активной унификации материально-правовых норм. Отмечается регионализация международного частного права. Автор обращается к теории автономной квалификации правовых понятий и ставит вопрос о необходимости доктринального определения таких понятий в рамках международного частного права.

Александра Георгиевна ЕГОРОВА (alya.egorof@yandex.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета им. П. М. Машиерова (г. Витебск, Беларусь).

Рассматривается практика союзного строительства в рамках Союзного государства Беларуси и России. Предлагается выработка единого нормативного документа, регулирующего частнопровые отношения между двумя государствами. В качестве первого этапа нормотворческой деятельности такого плана предлагается принятие модельного закона о международном частном праве.

Ключевые слова: коллизионная норма; международное частное право; конвенция; автономная квалификация; модельный закон.

УДК 341.9

Введение. Общепринятая структура источников международного частного права включает такой важный компонент, как «внутреннее законодательство» государства, направленное на регулирование частнопровых отношений, осложненных иностранным элементом [1, с. 28]. Часто данный источник называют «внутригосударственным законодательством», оперируя источником происхождения этой группы норм [2, с. 26]. Существует и другой терминологический подход, определяющий законодательный источник в качестве «внутренних (национальных) норм», сводя данную форму права, по сути, к определенным правилам поведения [3, с. 24]. Белорусские исследователи предлагают иной концептуальный подход, состоящий в широкой трактовке понятия «внутреннее законодательство», которое, по их мнению, включает тот компонент структуры источников, который является традиционным для определенной семьи права: нормативный правовой акт — в романо-германском праве, юридический прецедент — в англосаксонской системе источников [4].

Но в любом варианте терминологического определения внутреннего источника, регулирующего международные частнопровые отношения, в структуре этой формы основное место занимают коллизионные правовые акты или нормы, содержащиеся в определенных кодифицированных источниках. Проблема применения данного вида регуляторов осложняется тем, что они имеют не только национальную (внутригосударственную) природу, но и международное происхождение. Коллизионные нормы присутствуют не только во внутренней системе законодательства, но и в международной структуре источников. В этой связи возникает проблема идентификации источников коллизионного характера. Сравнительный анализ этих групп норм показывает, что не существует однозначного определения коллизионного источника в рамках международного договора и аналогичной формы права, появившейся внутри правовой системы. Также большая правоприменительная проблема состоит в оценке содержания коллизионных норм разного происхождения. И самое главное, требует своего решения проблема международной и национальной кодификации коллизионных норм.

Основная часть. Коллизионная норма является исторической основой существования международного частного права. Именно коллизионные нормы были первыми регулятивными правилами, определяющими характер применения национальных и иностранных норм, которые сталкивались в своих интересах. Само понятие коллизионной нормы связано с терминами «*collisia*», «*collision*», и буквально означает «конфликт». Необходимо отметить, что коллизионная норма изначально воспринималась как правило, устраняющее иностранного правоприменителя с его иностранным «законом» от участия в разрешении национальной ситуации. Впоследствии природа коллизионных правил изменилась, и излагаемые в коллизионных нормах положения были нацелены на разрешение этого конфликта. Понятие же коллизионной нормы осталось и по сей день, что, на наш взгляд, не соответствует истинному положению дел в международной частнопровой практике. Более уместным

сегодня было бы говорить не о коллизионном, а о *трансграничном* характере правил, по сути обеспечивающих рациональный выбор правопорядка страны правоприменителями.

Не является актуальным и деление коллизионных правил на внутренние и международные, как и самого коллизионного метода правового регулирования, который имеет целью не столкновение интересов, а разрешение возникшего юрисдикционного конфликта. Стороны спора все чаще обращаются за разрешением своего вопроса не в государственные, пусть и арбитражные суды, а в органы третейского правосудия. Об этом свидетельствует не только рост числа третейских судов, но и расширение компетенции третейского правосудия за счет принятия национальных законов о третейском правосудии. В Республике Беларусь такой правовой документ появился в 2011 г. и определил систему третейских судов, уже принятую в международной практике [5]. В данной ситуации роль коллизионных норм будет ослабевать, поскольку стороны спора все чаще используют нормы материального права, особенно в системе третейского правосудия.

Система коллизионных норм в основном применяется органами публично-го правосудия. Чем реже станет применяться иностранное законодательство национальными судами, тем уже становится практика применения коллизионных норм. Для некоторых стран применение иностранного права не было делом достаточно привычным и часто практикуемым. Не является в этом плане исключением и национальная правовая система. Формулировки ст. 1095 Гражданского кодекса Республики Беларусь достаточно настороженно воспринимаются национальным правоприменителем. Ведь требование данной статьи состоит в том, что в случае применения иностранного права оно должно применяться так же, как оно применялось бы у себя — в стране происхождения. Не каждый правоприменитель способен сегодня применить иностранную норму в соответствии с ее официальным толкованием, практикой применения и доктриной, сложившимися в иностранном государстве (п. 1 ст. 1095) [6]. Представляется, что пришло время ослабить установки этой нормы, не возлагая неподъемное бремя на национального законодателя. В этом плане вполне приемлема была бы англосаксонская доктрина, не требующая однозначного применения иностранного права, если ни одна сторона не заявляет об этом требовании. В противном случае сторона требования и предоставляет все данные об иностранном праве [7, с. 79–80].

Еще одной тенденцией, свидетельствующей об изменении роли коллизионных норм в международной частноправовой практике, является расширение унификации материально-правовых норм, определяющих права и обязанности субъектов правоотношений с участием иностранного элемента. Причем в большей степени эта тенденция присутствует на региональном уровне. Современные тенденции регионализма обусловили и особенности нормотворческой деятельности в международной сфере. В последнее время все меньше принимается нормативных документов универсального характера. Их место стараются занять региональные документы, которые в большей степени учитывают местную практику. Тем более что эти нормативные документы носят более специальный характер, направлены на регулирование узких вопросов экономической жизни регионов.

Можно предположить, что время универсальных конвенций закончилось в силу выработки основных принципиальных подходов, которые должны теперь конкретизироваться на региональном уровне. Вместе с тем существует еще большая ниша нерешенных глобальных вопросов частноправовой сферы, а наиболее полно и эффективно работающей является лишь Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (Венская Конвенция 1980 г.) [8]. Неурегулированными на универсальном уровне продолжают

оставаться общие вопросы юридической ответственности в частноправовой сфере, проблемы наследственного, семейного права. Даже процессуальные нормы требуют своей универсализации.

Вместе с тем тенденции регионализма сегодня возымели верх, и с этим необходимо считаться в ближайшее время. Тем более что современные геополитические процессы передела мира не предоставляют международной сфере иных шансов. В этой связи представляется необходимым сделать несколько концептуальных выводов относительно регулирования международной частноправовой сферы коллизионными нормами.

Во-первых, намечается изменение структуры коллизионной нормы. Принятая в доктрине международного частного права двухзвенная система данных норм в виде «объема» и «привязки» подлежит еще большему «расщеплению» за счет специализации объема коллизионной нормы. В национальной практике традиционно под данным звеном коллизионного правила понимался вид определенного правоотношения, осложненного иностранным элементом [9, с. 47–49]. Как правило, объем данного вида нормы соответствовал правовому институту. Понятие данной теоретической конструкции в большей степени характерно для правовых систем романо-германского типа. Классическая дифференциация правовых норм на отрасли и правовые институты достаточно прочно утвердилась в современной континентальной практике [10, с. 58–60]. Напротив, англосаксонская доктрина имеет достаточно либеральное понимание как правового института, так и отрасли права. Доктринальное восприятие этих структурных единиц достаточно отличается от континентальной трактовки. То же касается и нормативных положений, регулирующих, например, охрану авторских прав в Великобритании и Франции, определение наследственных прав в США и в Германии.

В этой связи закономерной является унификация континентальных и англосаксонских доктрин относительно понимания правового объема социальных явлений, требующих своего регулирования. Уже сегодня достаточно проблематичной становится практика применения иностранных законов «чужой» правовой семьи. Поэтому в рамках новых подходов к определению объема коллизионной нормы необходимо вернуться к реализации идеи «автономной квалификации» правовых понятий и категорий. Суть данной теории состояла в том, что необходимо принятие единой универсальной конвенции, содержащей идентично понимаемые и интерпретируемые правовые понятия. Конечно, достигнуть полной идентификации в этой сфере практически невозможно. Достаточно изучить правоприменительную практику в традиционных дальневосточных правовых системах и в англосаксонских странах. Подходы и лингвистического, и юридического характера будут значительно отличаться у данных типов правовой культуры.

Ошибкой родоначальников автономной квалификации правовых понятий было то, что идеологи данной теории пытались поставить правовые системы в достаточно жесткие рамки правовой интерпретации социальных явлений без особенной альтернативы. В результате такого жесткого подхода правовые системы не восприняли возможность выработки идентичных правил в этом варианте.

Представляется, что основным принципом разработки конвенции, содержащей идентичные понятия, должно быть «правило трихотомии», согласно которому мы должны предусмотреть три основных подхода по правовому определению социальных явлений. Сюда относятся: традиционная религиозно-общинная культура со своим набором нравственно ориентированных пра-

вил, требующих трансграничного правового оформления; англосаксонская правовая культура со специфическим восприятием всех социальных явлений сквозь призму судебной и административной практики; романо-германские традиционные подходы, закрепляющие определенные дефиниции абстрактным образом. Также предлагается предусмотреть механизм взаимного применения конвенционных понятий и дефиниций, исходя из трихотомии конвенционной автономии правовой квалификации.

Что касается структуры коллизионной нормы относительно ее привязки, то тенденции здесь свидетельствуют о сужении интерпретации вариантов применения права определенной страны. В условиях регионализации международных отношений это объясняется сужением выбора применимого права. Во-первых, участие в региональных международных конвенциях определяет небогатый выбор применимого права, исходя из ограниченного количества сторон — участников конвенции.

Во-вторых, процессы унификации коллизионных норм исчерпали свой регулятивный потенциал, поскольку в международной частноправовой практике имеет место доминирование унификационных процессов в отношении материально-правовых норм в данной сфере. Речь идет о нормах, устанавливающих права и обязанности сторон трансграничного правоотношения. Тенденции регионализма также повлияли на характер заключаемых материально-правовых конвенций частноправового характера. Основное содержание норм такого порядка направлено не на разрешение коллизий по поводу выбора определенного правопорядка, а на формирование единых правил поведения субъектов трансграничного правоотношения. Сами названия подобных конвенций Содружества Независимых Государств говорят об этом: «Конвенция о защите прав инвестора» 1997 г. [11]; «Конвенция о межгосударственном лизинге» 1998 г. [12]; «Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников Союзного государства» 2006 г. [13]. Аналогичные документы принимаются и другими региональными организациями.

Определенной тенденцией является стремление региональных организаций к выработке самого широкого круга международных документов по различным вопросам. Субъектам частноправовых отношений удобнее использовать правила материально-правового характера, а не обращаться к коллизионным нормам, от применения которых зависит выбор правопорядка и возникает неопределенность ситуации относительно применимого права.

Особенно востребованы конвенционные материально-правовые нормы странами, которые не имеют самостоятельных законов о международном частном праве. Ярким примером является практика Республики Беларусь и Российской Федерации. В системе национальных источников обеих стран отсутствуют кодифицированные документы о международном частном праве. Регулятивным инструментарием продолжает оставаться набор коллизионных правил, изложенных в Гражданских кодексах России и Беларуси.

Представляется, что нормотворческая практика этих стран должна предложить национальным системам законодательства такой нормативный документ, который бы содержал не коллизионные, а материально-правовые нормы, регулирующие международные отношения частноправового порядка. На первом этапе это может быть модельный документ, который устанавливал бы правила поведения как внутренних, так и внешних субъектов международных

частноправовых отношений. В последнем случае речь идет об иностранном элементе для правового пространства Союзного государства Беларуси и России. В дальнейшем можно принимать соглашения более интегрированного характера в сфере международного частного права.

Заключение. Таким образом, коллизионный метод правового регулирования международных частноправовых отношений хотя и остается востребованным на практике, но современные тенденции глобализации свидетельствуют об актуализации материально-правового способа регулирования данного вида отношений, осложненных иностранным элементом.

Данные тенденции обнаруживают себя прежде всего на региональном уровне, поскольку потребности реального сектора экономики в регионе диктуют свои правила для регулирования частноправовых отношений.

В этой связи необходима разработка и принятие единого нормативного акта в рамках Союзного государства Беларуси и России, основой которого может стать модельный закон о международном частном праве.

Теоретической трансформации подвергается и сама доктрина коллизионной нормы, которая никогда не была однородной и применялась в широком диапазоне реализации коллизионных привязок. В настоящее время возникает потребность возврата к реализации теории автономной квалификации. Формой выражения данной теории может стать самостоятельный международный документ, содержащий единообразные доктринальные правила понимания и толкования правовых понятий и категорий. Структура данного конвенционного документа должна учитывать реальность правовой «трихотомии», т. е. распределения всего правового массива в три формально-правовые общности — романо-германскую, англосаксонскую и религиозно-общинную семьи права, что и обусловит внутреннюю структуру международной конвенции.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Гетьман-Павлова, И. В.* Международное частное право : учеб. для магистров / И. В. Гетьман-Павлова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013. — 959 с.
Get'man-Pavlova, I. V. Mezhdunarodnoe chastnoe parvo [International private law] : ucheb. dlja magistrov / I. V. Get'man-Pavlova. — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Jurajt, 2013. — 959 p.
2. *Иссад, М.* Международное частное право / М. Иссад. — М. : Прогресс, 1989. — 398 с.
Issad, M. Mezhdunarodnoe chastnoe parvo [International private law] / M. Issad. — M. : Progress, 1989. — 398 p.
3. Международное частное право : учеб. пособие / под общ. ред. Г. К. Матвеева. — Киев : Вища шк., 1985. — 176 с.
4. *Егоров, А. В.* Внутреннее право иностранных государств как источник международного частного права / А. В. Егоров // Журнал рос. права. — 2018. — № 6. — С. 105—114.
Egorov, A. V. Vnutrennee pravo inostrannyh gosudarstv kak istochnik mezhdunarodnogo chastnogo prava [Domestic law of foreign states as a source of private international law] / A. V. Egorov // Zhurnal ros. prava. — 2018. — N 6. — P. 105—114.
5. О третейских судах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 301-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01. 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
7. *Хоцанов, Д. А.* Основания применения иностранного частного права в доктрине, законодательстве и судебной практике Англии, США и России / Д. А. Хоцанов // Журнал рос. права. — 2008. — № 6. — С. 79—86.

Hocanov, D. A. Osnovaniya primenenija inostrannogo chastnogo prava v doktrine, zakonodatel'stve i sudebnoj praktike Anglii, SShA i Rossii [Grounds for the application of foreign private law in the doctrine, legislation and judicial practice of England, the USA and Russia] / D. A. Hocanov // Zhurnal ros. prava. — 2008. — N 6. — P. 79–86.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/mediadocuments/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>. — Дата доступа: 22.09.2022.

9. *Тихиня, В. Г.* Международное частное право : учеб. / В. Г. Тихиня, Н. И. Рудович ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Минск : Акад. МВД, 2019. — 346 с.

Tihinja, V. G. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [International private law] : ucheb. / V. G. Tihinja, N. I. Rudovich ; Akad. M-va vnutr. del Resp. Belarus'. — 2-e izd., peresmotr. i dop. — Minsk : Akad. MVD, 2019. — 346 p.

10. *Егоров, А. В.* Сравнительное правоведение : учеб. пособие / А. В. Егоров. — Минск : Выш. шк., 2015. — 255 с.

Egorov, A. V. Sravnitel'noe pravovedenie [Comparative Law] : ucheb. posobie / A. V. Egorov. — Minsk : Vysh. shk., 2015. — 255 p.

11. Конвенция о защите прав инвестора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1902147>. — Дата доступа: 20.08.2022.

12. Конвенция о межгосударственном лизинге [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901725128>. — Дата доступа: 20.08.2022.

13. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников Союзного государства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901988314>. — Дата доступа: 20.09.2022.

ALEXANDRA EGOROVA

**CONFLICT OF LAWS AS A SOURCE
OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

Author affiliation. *Alexandra EGOROVA* (alya.egorof@yandex.ru), *P. M. Masherov* Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus).

Abstract. The article analyzes the conflict of laws as the main source of private international law. The trends in the transformation of this source of legal regulation of international private law relations are identified: changes in the structure of the conflict of laws norm; the establishment of the priority of substantive law method of legal regulation over the conflict of laws; the need for active unification of substantive law norms. The regionalization of private international law is emphasized. The author refers to the theory of autonomous qualification of legal concepts and raises the question of the need for doctrinal definition of such concepts within the framework of private international law. The practice of union building within the Union State of Belarus and Russia is examined. Development of a single normative document regulating private law relations between the two states is suggested. A model law on international private law is proposed as the first stage of rule-making activities of such a plan.

Keywords: conflict of laws rule; private international law; convention; autonomous qualification; model law.

UDC 341.9

*Статья поступила
в редакцию 12. 10. 2022 г.*